

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-172-185

**Ж.-Ж. РУССО VS Б. КОНСТАН:
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ О СВОБОДЕ**

А. И. Гройсберг, К. С. Кондратьева, А. В. Скиперских¹

Авторы рассматривают, как в политических текстах французских теоретиков либерализма – Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана раскрывается соотношение индивидуальной свободы и интересов государства. Авторы обнаруживают много общего в теоретических построениях Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана, равно, как и находят определённые различия, относящиеся к особенностям развития политической ситуации на момент жизни и творчества либеральных мыслителей. Политические концепции теоретиков, чей диалог становится предметом изучения авторов, могли подвергаться неким коррекциям с поправкой на политическую конъюнктуру. Интеллектуалы не могли иначе реагировать на высокую скорость политических трансформаций, то усиливавших внимание к отдельно взятому индивиду, то делающих акцент на государственные интересы.

Вопрос соотношения индивидуальной свободы и интересов государственной машины является актуальным вплоть до настоящего времени во всех политиях, заявляющих о следовании демократическим принципам. Авторское исследование диалога двух французских либеральных мыслителей, таким образом, постоянно перекликается с современной политической практикой.

Ключевые слова: власть; Констан; легитимность; либерализм; монархия; Руссо; суверенитет.

Проблемы соотношения индивидуальной свободы с государственной машиной волновали интеллектуальную мысль вне зависимости от текущей политической конъюнктуры. Вопросы чрезмерного давления власти на обществен-

¹ Гройсберг А. И. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г.Пермь). E-mail: anna-groisberg@yandex.ru.

Кондратьева Кристина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г.Пермь). E-mail: kcenua-9@mail.ru.

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: pisatels@mail.ru.

© Гройсберг А. И., Кондратьева А. С., Скиперских А. В., 2018

ное тело, редуцирующееся в кризисные моменты истории, всегда являлись также актуальными, равно, как и в моменты относительной политической стабилизации, когда у интеллектуала появлялось время для теоретической рефлексии. Наиболее очевидно вопросы соотношения индивидуальной свободы и государственной власти начали ставиться в период Нового времени, хотя некоторые исследователи склонны выделять и более ранние периоды, связывая их с рождением интеллектуалов как таковых в историческом и политическом процессе. Именно тогда и возникают первые сообщества интеллектуалов, противопоставлявших практики собственного высказывания – дискурсам, в которых могла доминировать власть [10, 23–262].

Это явление получает продолжение в период эпохи Просвещения, предшествовавшей Великой французской революции. Интеллектуальная рефлексия в подобные моменты была неизбежной, что и подтверждается целым собранием текстов политических мыслителей того периода времени. Нужно понимать, что эпоха Просвещения как период демократизации политического дискурса сама по себе провоцировала интеллектуальную рефлексию на происходившие изменения в политической жизни.

Проблема соотношения индивидуальной свободы и государственной власти, притязающей на её ограничения во имя собственных интересов, периодически рационализирующихся, подменяющихся и сжимающихся до интересов конкретной политической персоналии, переосмысливается политическими философами с завидной регулярностью. Видимо, в формате *real policy* существует достаточно искушений для расширения собственного влияния и излишнего насыщения ресурсами. К слову, уже в XX в., даже несмотря на постепенную демократическую институционализацию, некоторые политические лидеры могли грезить чрезмерной властью, постепенно отодвигая в сторону право, преступая договорным началом. Теоретические построения К. Шмитта, Д. Агамбена и др. о зарождении диктатур как раз являются подтверждением нашего тезиса.

Биографические параллели Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана

Проблема необходимого и достаточного в политике, меры власти является вопросом жизни и смерти для самого интеллектуала, вопросом его совести и конструирования самого себя в системе политических координат. Политические мыслители могли полемизировать друг с другом сквозь толщу веков, равно как и вступать в диалог, будучи современниками, а также посылать заветы благодарным и учтивым потомкам. Разъединённые в конкретном времени, их тексты могут находиться друг с другом в прекрасной полифонии.

На наш взгляд, примером подобной полифонии может быть творчество политических философов Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) и Бенжамена Констана

(1767–1830). Данных философов многое объединяет. Оба родились в Швейцарии. Ж.-Ж. Руссо – в Женеве, а Б. Констан – в Лозанне. Оба находились под давлением протестантской культуры, что способствовало их интеллектуальным разысканиям и чрезмерным вопрошаниям по поводу свободы творчества и её обусловленности границами политического. Развитие политических процессов ставило обоих политических философов перед проблемой этического выбора. Этот выбор практически всегда согласовывался с их либеральными правдоисканиями, на тот момент времени сопряжёнными с концептуализацией альтернатив монархическому правлению. В определённый период своей жизни оба вынужденно оказались в Англии. Сопоставление биографического пути политических философов позволяет сделать вывод, что для Ж.-Ж. Руссо, равно как и для Б. Констана, в меньшей степени, было важно оказаться в ситуации, которая когда-то была определена И. Гофманом как ситуация «охлаждения», при которой субъект примиряется с несправедливостью [1, 204].

Судьба политических философов тесным образом связана с Францией. Здесь скитания Ж.-Ж. Руссо, сочетаемые с частой сменой места жительства и статусов, говорят о большей нестабильности в его жизни по сравнению с жизненной стезёй Б. Констана – жителя Республики, получившего французское гражданство в 1795 г. В период Французской буржуазной революции Констан был якобинцем и, будучи вдохновленным идеями Руссо о свободе и равенстве, отстаивал достаточно радикальные идеалы революции. Являясь сторонником режима Директории (1795–1799), на рубеже веков Б. Констан изменил свои политические взгляды и в 1799 г. выступил в поддержку государственного переворота «18 брюмера».

Сходство приобретает большую пронзительность, если посмотреть на тексты, представляющие собой наследие политических философов. Принципиальным для нас оказывается сходство в объекте их интеллектуальных изысканий. Так, Ж.-Ж. Руссо является едва ли не самым авторитетным конструктором теории общественного договора, закладывающей основы парламентаризма и создающей базу для развития важнейших демократических институтов.

Вклад в политическую теорию Б. Констана не менее значителен. Так, П. Новгородцев считает его «первым выдающимся систематиком конституционного права» [13, 176]. Б. Констан по праву пользуется репутацией «главного теоретика свободы среди либералов» [11, 62].

От несвободы до свободы: предпосылки теоретических моделей Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана

Политические тексты интеллектуалов всегда представляют собой их отношение к происходящему в политическом пространстве. Любой политический

текст есть авторская рефлексия по поводу текущего политического момента – интеллектуалы не могут оставаться в стороне от производства политического дискурса, постоянно насыщая его смыслами.

Следует согласиться с мнением М. Фуко, некогда отметившего, что «для интеллектуала занятие политикой было традиционно обусловлено двумя вещами: положением интеллектуала в буржуазном обществе, в системе капиталистического производства, в идеологии, которую он производит или навязывает (когда он оказывается эксплуатируемым, ввергнутым в «нищету», «отверженным», «проклятым», обвинённым в подрывной деятельности, в имморализме и т.п.) и его собственным дискурсом в той степени, в какой он сам открывал определённую истину, находя политические отношения там, где их не замечали» [18, 67].

Рассуждения М. Фуко по поводу миссии интеллектуала в политическом процессе и всех рисков, которые он несёт за производство альтернативных смыслов, в полной мере могут объяснять историю интеллектуальных скитаний Ж.-Ж. Руссо, равно как и политических выборов, которые приходилось делать Б. Констану.

Обострённое чувство свободы появляется не просто так. Интеллектуалы взвешивают «за» и «против», вынужденные отвечать на вызовы политического времени. Необходимость выбора в пользу той или иной политической силы, по сути дела, лишает честолюбивого интеллектуала возможности возвращения к тем позициям и догматам, которые ими отстаивались с убеждённой горячностью. Нужно признать, что и компромиссы, возможные в интеллектуальном диалоге, оказываются невозможными в формате *real policy*. Безусловно, интеллектуал зачастую является заложником собственного политического идеала, что и происходит в перспективе сопоставления теоретических построений Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана. Необходимость прямого участия в политическом и государственном управлении должна максимально принадлежать индивиду – в этом точки соприкосновения политических философов определённо существуют.

«Человек рождён свободным, а между тем повсюду он в оковах», – недоумевает Ж.-Ж. Руссо в самом начале текста своего «Общественного договора» [6, 224]. Попытка исправления складывающегося неравенства и возвращения *status quo* становится для французского политического философа генеральной линией последующих политико-философских и этических поисков.

Б. Констан отзывается о своих политических исканиях с не меньшей эмоциональностью, убеждая, что «в течение сорока лет ... защищал один и тот же принцип – свободу во всем: в религии, в философии, в литературе, в промышленности, в политике, подразумевая под свободой защиту личности от власти,

желающей управлять посредством деспотизма, и от масс, настаивающих на подчинении себе меньшинства» [19, 73].

Позиции политических философов по поводу политической свободы, безусловно, вступают между собой в диалог, не происходивший *tet-a-tet*, но осуществлявшийся исподволь, интенциями. Конечно, между позициями философов скрываются различия, но, вместе с тем, взгляды интеллектуалов сходятся в то смысле, что свобода, подразумеваемая новыми правовыми установлениями, которые необходимо легитимировать, предшествует несвободе – состоянию, когда индивид подчиняется, когда он уже, изначально, оказывается связанным многочисленными дисциплинаризациями.

Таким образом, в политических текстах Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана традиционный порядок подвергается значительному переосмыслению и коррекциям. Несвобода в один прекрасный момент превращается в шанс для свободы, в прекрасное и волнительное искушение. По этому поводу выскажется А. Камю: «... до Руссо Бог создавал королей, а те, в свою очередь, создавали народы. Начиная с «Общественного договора», народы создают себя сами, прежде чем создавать королей. Что касается Бога, то о нём до поры до времени речи больше нет» [4, 206].

Государство и власть: к вопросу о легитимности

Безусловно, позиции политических философов в несостоявшемся диалоге не лишены идеалистических взглядов на конструирование государства, воплощающего национальную мечту. Каково происхождение власти, в чьих интересах государство осуществляет власть, и в государственной власти разрешается воля самого народа – данные вопросы, так или иначе, не могли остаться вне исследовательского фокуса либеральных мыслителей. Может ли индивид с той или иной долей успешности противостоять государственной машине, исходя из того посыла, что общая воля государства представляет и часть его личной воли?

Государство ни в коем случае не представляет собой диктатуру, не вырождается в неё в тот самый момент, когда вынуждено преодолевать усилия сопротивляющихся ему граждан. Как однажды заметил В. Розанов, «государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается, или не встречает его с любовью, как невеста жениха» [5, 206]. Скорее всего, в воображаемом нами диалоге Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана подобное развитие ситуации огрубляло бы их прекрасный и справедливый политический проект.

Государство есть воплощённая общая сила, и общественный договор, к которому апеллирует Ж.-Ж. Руссо как к некоей оптимальной конструкции, схватывающей ключевые потребности личности, как раз и представляет собой

«форму ассоциации или общественного соединения, которая защищала бы и охраняла бы всю общую силой личность и имущество каждого члена» [6, 224–225].

Заметим, как довольно близко звучит эта мысль у Б. Констана, по мнению которого целью государства как раз и является обеспечение и защита материальной и духовной независимости гражданина. Б. Констан уверен, что человек, будучи свободным, может самостоятельно и разумно реализовать себя в жизни и способен лишь за счет своих собственных усилий обеспечить себе достойное существование.

Это вполне согласовывается с рассуждениями Ж.-Ж. Руссо о том, что ни один человек не готов безвозмездно лишиться себя свободы – свободу можно лишь ограничить, компенсируя ограничение очевидными выгодами данного ограничения [6, 224–225], то есть, Ж.-Ж. Руссо как будто бы и невольно допускает, что определённые ограничения возможны, правда, лишь в той степени, в которой это оправдывается общим благом. Подобную выгоду, кстати, некоторые исследователи методично выискивают в политическом дискурсе, когда пытаются измерить соотношение утрачиваемых политических и гражданских свобод и определённого благосостояния, гарантируемого государственной машиной.

Допущение об ограничении свободы у Ж.-Ж. Руссо впоследствии было замечено в теории легитимного господства М. Вебера, согласно которой легальная власть автоматически получает право на насилие – использование аппарата принуждения ради обеспечения собственного господства [3]. Таким образом, репрессивные институты всегда должны срабатывать по воле государства – преобразованной общей воле.

Идея легитимного господства, задолго до её концептуализации М. Вебером, так или иначе, разрабатывается и Б. Констаном, который объявляет принцип господства общей воли единственным законным основанием государства. В противном случае власть попросту основывается на силе и не опирается на широкий общественный консенсус. Это позволяет определять её как нелегитимную.

Так, легитимность становится вожделенной темой политических спекуляций. Зачастую общая воля как раз подменяется волей ограниченного количества лиц в узкоэгоистических интересах. Этот момент отмечает М. Федорова, исследовавшая незримую переключку теоретических концепций Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана, говоря о трансформации источника власти. Так, «на месте "народа-суверена" возникла власть группы людей, авторитарная по своей сути» [17, 130].

Искушение наращивания власти ради усиления собственной позиции постепенно может привести к тому, что воплощённая общая воля с очевидностью

постепенно становится прерогативой и одной политической персоналии, узурпирующей власть посредством постепенного политического маневрирования. Так, из якобинства как некоей коллективной институции постепенно вызревает бонапартизм. Это понимает Б. Констан, потому как в реальной политической практике власть переходит «от общества – к большинству, от большинства – в руки нескольких, а зачастую – в руки одного человека» [6, 224–225].

Помимо этого, история знает немало примеров диктатур и тоталитарных режимов, поначалу конструировавшихся как демократии. Уже потом, в один прекрасный момент, новоявленный диктатор может объявить себя вне закона и неожиданно для всех взять полноту власти в свои руки в результате объявления чрезвычайного положения. Кстати, конструкт «чрезвычайного положения» как апофеоза диктатуры постепенно утверждается в политологическом дискурсе с помощью немецкого теоретика К. Шмитта. Впоследствии, уже в наше время, данный концепт будет расширен итальянским политическим философом Дж. Агамбенем [2, 76].

Возвращаясь к заочному диалогу Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана, следует отметить очевидную близость их политических ощущений по данному поводу.

Политические воззрения Б. Констана на основания и сущность политической власти, конечно, близки рассуждениям Ж.-Ж. Руссо, но это вовсе не означает его безоговорочного принятия основных позиций автора «Общественного договора». Более того, в существующем научном дискурсе есть мнение, что как раз именно в философском наследии Б. Констана нашла наиболее полное развитие критика идей общей воли и народного суверенитета Ж.Ж. Руссо [7, 11].

Легитимность власти лишь тогда имеет место быть, когда архитектором власти выступает сам народ. При такой ситуации именно народ обеспечивает «построение единого политического организма, исходя из предположения о существовании радикально независимых индивидов» [7, 131].

Ж.-Ж. Руссо в своём утопическом политическом проекте предполагал, что ради достижения справедливого общества необходимо обеспечить участие всех граждан в верховной власти, при условии полного отчуждения всех личных прав государству. Здесь, в рассуждениях философа, как будто чувствуются апелляции к античным политиям, власть в которых разрабатывается мудрыми и сдержанными в чувствах и устремлениях политиками. Таким политикам известно чувство меры, и их потенции гармонизируются с природой.

Б. Констан рассуждал иначе, делая акцент на утрачивании индивидуальной свободы индивида в тот момент, когда он передает её государству: «Индивидуальная независимость – самая важная потребность современного человека. Поэтому никогда нельзя приносить в жертву эту независимость при установлении политических свобод» [9, 102].

Возражая Ж.-Ж. Руссо, Б. Констан пытается подчеркнуть, что личные права остаются неприкосновенными для верховной власти, как бы она ни была устроена. Б. Констан также заявляет, что недостатком Ж.-Ж. Руссо было восприятие власти народа как свободы и отождествления этих двух совершенно разных понятий. По его мнению, деспотизм (будь то самодержавие или неограниченная власть большинства) не имеет никакого права на существование. Кстати, следует отметить, что подобное ощущение рассуждений Б. Констана есть у П. Новгородцева, отмечавшего, что «против неограниченности народного верховенства он (Констан) возражает во имя свободы личности» [13, 177].

Наконец, теорию народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо Б. Констан рассматривает как теоретический источник всех заблуждений и отклонений Великой французской революции. Отсюда кажется неслучайным, что, руководствуясь этими представлениями, Б. Констан серьезно корректирует тезис Ж.-Ж. Руссо о всемогуществе народного суверенитета, считая, что его теория основана на неверном толковании понятий общей воли и общественного договора.

При этом Б. Констан не отрицает принцип верховенства воли народа в осуществлении политической власти. Как указывает А. Мишель, политической философии Б. Констана чужд исторический дух. Главной целью его политических исследований был поиск способов предупреждения возможных злоупотреблений народным суверенитетом и нейтрализации его вредных последствий [12, 266]. Таким образом, придерживаясь принципа народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо, Б. Констан наполняет эту идею иным содержанием, наверняка, более созвучным той политической практике, непосредственным свидетелем которой являлся он сам.

Революция: взгляд под либерально-консервативным углом

И если теоретические фигуры Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете постулировались до революционных событий во Франции и делегитимации монаршей власти, то политико-философское наследие Б. Констана как раз приходится на период максимальной интеллектуальной рефлексии по данному поводу справедливости и оправданности политических трансформаций того периода времени. Безусловно, у новых форм власти не было того запаса прочности, что был у института монархии, что наделяло определённой убедительностью некоторые довольно лукавые интенции политиков того времени. В частности, Ш. Талейран предлагал считать легитимной лишь ту власть, факт которой подтверждается длительным существованием – «долгой чередой лет – предписанием веков» [16, 295]. Нет никаких сомнений, что революционные трансформации стали всё чаще подвергаться критике – так диктовала политическая конъюнктура.

Основным достижением Французской революции стало уничтожение политических институтов, основанных на наследственной передаче власти и освященных Богом, и переход власти в руки народа. Несомненным достижением политических трансформаций того времени некоторые авторы считают рождение нового «типа социальности» [7, 12], в результате которого конструируется новое публичное поле, в рамках которого конституируется гражданская сфера, отличная от политической.

Таким образом, казалось, исключалась возможность узурпации власти, её сосредоточения в одних руках. В данной фигуре слышатся интенции Сен-Жюста, доносившего мысль о том, что «любой король – это мятежник или узурпатор» [4, 209].

Политическая практика показала, что новая власть, прекрасно вписывающаяся в теоретический проект Ж.-Ж. Руссо, на деле оказалась уязвимой от страсти расширения собственных полномочий. В праве возникли спорные места. В частности, становилось не совсем понятно, кому будет принадлежать право толкования общей воли, поэтому новые политические институты оказались недостаточно подготовленными для решения серьезных и даже концептуальных вопросов. У новой власти не оказалось необходимого запаса прочности и опоры на политическую традицию.

Б. Констан здесь предвосхищает довольно популярный тезис в политическом дискурсе о том, что новая власть нуждается в легитимности и ввиду её недостатка в течение определённого времени может быть обрушена реваншистами. Отчасти поэтому, по мнению Б. Констана, именно народ-суверен в высшей степени подвержен опасности отчуждения суверенитета. Б. Констан отмечает ещё тот факт, что общество Нового времени не осознает себя таковым, не обращает внимания на собственную специфику и изменившийся характер общественных отношений. Провозгласив лозунгом революции свободу, революционеры в действительности лишь заимствовали свободу прошлого: свободу античных республик, когда гражданин, почти суверенный в общественных делах, оставался рабом в частной жизни [9, 103].

Для Б. Констана принципиально различать два вида свободы – свободу индивидуальную и свободу политическую. Оба вида, так или иначе, присутствуют в политической сфере.

Так, политическая свобода является народным суверенитетом, или возможностью граждан участвовать в принятии решений, затрагивающих общественные интересы, относящиеся к публичной сфере.

Э. Хоффман пишет, что именно такая политическая свобода, провозглашенная в античных государствах, была важной ранее и компенсировала абсолютное отсутствие индивидуальной свободы, прав личности [20, 367].

Глядя на рассуждения и Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана, становится понятным, что они с большим уважением относятся к той спокойной и уверенной силе

древних, принимавших участие в развитии политических дискурсов своего времени. И Ж.-Ж. Руссо, и Б. Констан с удовольствием апеллируют к политическому опыту античности. В частности, Б. Констан говорит о том, что политическое участие в античном мире было куда более конкретизировано: «Воля каждого имела реальное влияние, реализация этой воли доставляла живое и постоянное удовлетворение. Вследствие этого античный человек был способен на большие жертвы ради сохранения своих политических прав, своей доли участия в управлении государством. Каждый с гордостью ощущал цену своего голоса, находил значительное удовлетворение в осознании своей личной значимости» [9, 103].

Другое дело – индивидуальная свобода – истинная, настоящая свобода Нового времени, в которой, по мнению Б. Констана, как раз и более всего нуждаются современные народы. Политическая же свобода есть только гарантия свободы индивидуальной и ни в коем случае не может ее заменить [13, 177], поэтому никогда индивидуальной свободой нельзя жертвовать ради получения или установления политической свободы.

По мнению Б. Констана, концепция народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо есть лишь попытка навязать современному человеку ту «разновидность» или количество свободы, которых было бы достаточно древним народам, но такая свобода не вписывается в новые форматы отношений, продиктованные достижениями цивилизации. На политической арене на тот момент времени присутствуют другие игроки, и корректируются «правила игры». Образы политиков значительно меняются, равно как и принципы, которыми руководствуются политики в производстве отношений власти и изобретении правовых норм. В свою очередь, это приводит к установлению новых границ политической власти. Б. Констан указывает, что идея ограничения суверенитета, центральная для него самого – не была известна древним народам [21, 97–122].

Романтические преобразователи политического пространства, тем самым, моментально устаревают в своих благородных порывах, потому как их вопрошания не синхронизируют с новыми политическими практиками, меняющимися общественными вкусами и новой политической терпимостью. И как здесь не согласиться с восклицанием А. Камю, вписавшего Сен-Жюста в галерею образов бунтующих людей, по поводу того, что «Сен-Жюст был искренен в своём желании всеобщей идиллии» [4, 209].

Воображаемый нами диалог Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана кажется несколько оторванным от политической реальности, в которой происходит постоянная смена диспозиции политических акторов, а сам «исторический процесс можно представить как постоянную борьбу между властью и оппозицией» [15, 70].

На наш взгляд, революционные трансформации и их последствия, а также учредительные практики новой власти, представляются для интеллектуалов временем для сомнения и разочарования. На их глазах могут обрушиваться

прекрасные, романтические мечты. Тем самым, действительно, свобода как концептуальное понятие для либерализма, вытекая из понятия революции, начинает превращаться в чересчур широкий концепт. Об опасности подобных «концептуальных натяжек» предупреждает итальянский политолог Д.Сартори, когда говорит о том, как «объём понятия возрастает за счёт размывания содержания» [14, 153].

Отсюда, консервативный поворот либералов не кажется чем-то удивительным и неестественным. Метания интеллектуалов отмечаются на протяжении всего исторического развития, что порождает некую двоичность в их восприятии. В частности, М. Федорова склонна увидеть в Б. Констане того интеллектуала, который «выступал на стороне революции против королевской власти, одобряя не только революционные принципы, но и наименее либеральные меры (Директория, Фрюктидор), а с другой – предстает как критик, и очень строгий, стиля и нравов того времени» [17, 127].

И если ограничение суверенитета в начале XIX в. представляется французскому либералу вполне реальным и возможным, то почему следует отказать в подобном искушении новому поколению политических философов, самих политиков, а иногда и тех, кто сочетает в себе эти два начала. На наш взгляд, может быть показательным политический опыт французского интеллектуала Д. Кон-Бендита, начинавшего с активного участия в студенческих волнениях мая 1968 г. и сопротивления режиму Ш. де Голля, и совершившего удивительную политическую метаморфозу до значимой фигуры в экологических партиях Германии и Франции и депутатства в Европарламенте.

Таким образом, теоретические построения Ж.-Ж. Руссо и Б. Констана оказываются актуальными вплоть до настоящего времени. Институты демократии постепенно совершенствуются всё больше, казалось бы, человек в западном обществе, постоянно находящийся в центре политических и правовых учений, должен быть удовлетворён той относительной автономностью, которая представлена ему государством. В то же время, государство постоянно наращивает своё присутствие в общественном дискурсе, объясняя подобную экспансию необходимостью соблюдения общей воли – всеобщей безопасности. Сложно представить, что сложившаяся правовая культура западных политий не предполагает моментальной законодательной фиксации тех дискурсов, откуда исходит угроза для легитимности власти. Как справедливо отмечает И.Ю. Козлихин, суть правового государства заключается именно в характере законов, их соответствии правовой природе вещей, направленности на обеспечение суверенитета личности [8, 89]. Кажется, что, несмотря на постепенно утверждающиеся новые «правила игры», их суть всё равно направлена на максимальное удовлетворение интересов большинства. Развитие структур информационного общества открывает всё новые и новые вызовы, необходимость в преодолении которых может периодически ударять по отдельно взятому индивиду. Наступает период,

когда государство начинает отыгрывать у индивида некоторое преимущество, потерянное в западных политах в результате эпохи Просвещения и по мере развития демократии на Восток.

Сделаем вывод. Французские либеральные мыслители, чей несостоявшийся диалог стал предметом наших научных разысканий, совершенно справедливо предопределили вектор дальнейших политических и правовых дискуссий, суть которого базируется на проблеме соотношения индивидуальной свободы и интересов государства, внутри которых аккумулируются интересы большинства населения. Данные дискуссии ведутся вплоть до настоящего времени, усиливаясь в моменты политической неопределённости, когда существенно повышается необходимость в реформах «снизу» или «сверху». От имени каждой стороны в данных дискуссиях о свободе, время от времени могут выступать известные интеллектуалы, формулирующие смыслы уже в условиях информационного общества так, как 200 лет назад это делали Ж.-Ж. Руссо и Б. Констан.

Библиографический список

1. *Абельс Х.* Интеракции, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000. 272 с. [Abels H. Interaction, identity, presentation. Introduction to interpretative sociology. St. Petersburg: Aletheia, 2000. 272 p.].
2. *Агамбен Д.* Чрезвычайное положение. М., 2011. 148 с. [Agamben G. Homo Sacer. State of Emergency. Moscow: Publishing House "Europe", 2011. 148 p.].
3. *Вебер М.* Избранное. Образ общества / пер. с нем. М., 1994. 704 с. [Weber M. Selected works. The image of society. Transl. from Germ. Moscow: Yurist, 1994. 704 p.].
4. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М., 1990. 415 с. [Camus A. The Revolting man. Philosophy. Politics. Art. Transl. from Fr. Moscow: Politizdat, 1990. 415 p.].
5. *Розанов В.В.* Уединённое. М., 1990. 541 с. [Rozanov V. V. Secluded. Moscow: Politizdat, 1990. 541 p.].
6. Философия. Хрестоматия (сост. П. С. Гуревич). М., 2002. 453 с. [Philosophy. Anthology. Comp. by Prof. P. S. Gurevich). Moscow: Gardariki, 2002. 453 p.].
7. Классический французский либерализм / пер. М.М. Федоровой. М., 2000. 591 с. [Classical French liberalism. Transl. by M. M. Fedorova. Moscow: ROSS-PEN, 2000. 591 p.].
8. *Козлихин И. Ю.* Идея правового государства: история и современность. СПб., 1993. 152 с. [Kozlikhin I. Yu. Idea of a legal state: history and modernity. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg state University, 1993. 152 p.].

9. *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // *Полис*. 1993. №2. С. 97–106. [Constant B. On liberty with the ancients as compared to liberty with the moderns // *Polis. Political Studies*. 1993. No. 2. P. 97–106].
10. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века / пер. с фр. А. М. Руткевича. СПб., 2003. 160 с. [Le Goff J. Intellectuals in the Middle Ages. Transl. by A. M. Rutkevich). St. Petersburg: IZDATEL'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2003. 160 p.].
11. Либерализм Запада XVII–XX века: коллект. моногр.: в 2 ч. Ч.1. / под общ. ред. В.В. Соргина. М., 1995. 228 с. [The liberalism of the West in the 17th–20th centuries: collective monograph: in 2 parts. Ed. by V. V. Sorgin. Part 1. Moscow, Institute of World History of RAS Publ., 1995. 228 p.].
12. *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008. 536 с. [Michel H. The idea of the state. The critical experience of the history of social and political theories in France since the Revolution. Moscow: Izd. "Territory of the future", 2008. 536 p.].
13. *Новгородцев П. И.* Лекции по истории философии права: Учения Нового времени. XVI–XIX вв. М., 2011. 354 с. [Novgorodtsev P. I. Lectures on the history of the philosophy of law: Doctrines of Modern Age. 16th–19th centuries. Moscow: Krasand, 2011. 354 p.].
14. *Сартори Д.* Искажение концептов в сравнительной политологии // *Полис*. Политические исследования. 2003. № 4. С. 152–161. [Sartori G. Concepts misformation in comparative politics. // *Polis. Political Studies*. 2003. No. 4. P. 152–161].
15. *Скиперских А. В.* Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива. // *Социум и власть*. 2015. № 5 (55). С. 67–73. [Skiperskikh A. V. Right to opposition: political and philosophical retrospective // *Society and Power*. 2015. No. 5 (55). P. 67–73].
16. *Талейран.* Мемуары. М., 1959. 439 с. [Talleyrand. Memoirs. Moscow: Publishing house of Institute of international relations, 1959. 439 p.].
17. *Федорова М.М.* Французский либерализм (Руссо-Констан) // *Полис*. Политические исследования. 1993. № 6. С. 126–135. [Fedorova M. M. French liberalism (J.-J. Rousseau, V. Constant) // *Polis. Political Studies*. 1993. No. 6. P. 126–135].
18. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. 384 с. [Foucault M. Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews. Moscow: Praxis, 2002. 384 p.].
19. *Chatelet F., Duhamel O., Pisier-Kouchner E.* Histoire des idées politiques. Paris, 1982. 294 p.

20. *Hofmann E.* Les «Principes de politique» de Benjamin Constant. A Genèse d'une oeuvre et l'évolution de la pensée de leur auteur 1789–1806. Geneva, 1980. Vol. 1. 417 p.
21. *Stourzh G.* Vom aristotelischen zum liberalen Verfassungsbegriff. Zur Entwicklung in England und Nordamerika im 17. und 18. Jahrhundert // Furst, Burger. Mensch Untersuchungen zu politischen und soziokulturellen Wandlungsprozessen im vorrevolutionären Europa. Munchen, 1975. P. 97–122.

**J.-J. ROUSSEAU VS B. CONSTANT:
THE FAILED DIALOGUE ON FREEDOM**

A. I. Groysberg

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Business Law, National Research University Higher School of Economics (Perm)

K. S. Kondratieva

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Business Law, National Research University Higher School of Economics (Perm)

A. V. Skiperskikh

Doctor of Political Sciences, Professor, Department of the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Perm)

The authors examine political texts of the French theorists of liberalism – Jean-Jacques Rousseau and Benjamin Constant – in the context of the ratio between individual freedom and interests of the state. In their theoretical constructions, Rousseau and Constant have many similarities, as well as certain differences related to the peculiarities of the political situation at the time of their life and work. Their political concepts could undergo some corrections due to the political conjuncture. The intellectuals had to respond to high rates of political transformations, increasing attention to the individual or, on the contrary, to the public interest.

The question of the ratio between individual freedom and state interests is still relevant in all polities claiming adherence to democratic principles. Therefore, the study of the dialogue between the two French liberal thinkers resonates with contemporary political practice.

Keywords: power; Constant; legitimacy; liberalism; monarchy; Rousseau; sovereignty.